

Т. Н. Дмитриева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
profdfmitan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3719-5150>

Диалектологические исследования А. К. Матвеева на Северном Урале (по полевым материалам 1950-х гг.)

В докладе рассматриваются русские заимствования из мансийского языка и мансийские лексемы, зафиксированные А. К. Матвеевым в 1955–1958 гг. на Северном Урале у манси — носителей пельмского диалекта. Очевидно, это были последние записи ныне уже исчезнувшего диалекта пельмских манси.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская диалектная лексика; заимствования; манси; пельмский диалект

2021 год был годом 95-летия основателя Уральской ономастической школы А. К. Матвеева и 60-летия созданной им Топонимической экспедиции Уральского университета. В связи с этими юбилейными датами представляется важным обратить внимание на предысторию экспедиции.

Самостоятельные полевые диалектологические исследования А. К. Матвеев начал проводить с 1955 г.: в 1955–1958 гг. он собирал материал для своей кандидатской диссертации. Целенаправленным сбором и изучением русской заимствованной лексики на Урале до него никто не занимался, хотя изучение русских говоров Урала в университете началось с 1945 г. [СРГСУ, 1, 3]. Во время своих поездок А. К. Матвеев обследовал ряд населенных пунктов на севере Свердловской области и на смежных территориях Пермской области и Коми АССР, где русское население длительное время контактировало с представителями коренного финно-угорского населения края — коми, манси, в меньшей степени — с хантами. Итогом этой работы стала защита диссертации «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала» в 1959 г. и публикация одноименного исследования [Матвеев, 1959].

В русских говорах Северного Урала А. К. Матвееву удалось выявить 69 коми заимствований и 90 заимствований из обско-угорских языков: 65 из мансийского языка, восемь — из хантыйского, остальные

рассматриваются как предположительно обско-угорские. Также зафиксировано 27 лексем прибалтийско-финского происхождения, перенесенных на Урал переселенцами с Русского Севера. В работе детально рассмотрены семантика и этимология заимствований, а также особенности их семантического, фонетического, акцентологического, морфологического освоения русским языком, что является существенным вкладом в изучение как русских говоров, так и финно-угорских языков. В заключительной главе впервые был дан обзор финно-угорской топонимии Северного и Среднего Урала, и эта тема впоследствии стала одним из ведущих научных направлений для А. К. Матвеева и для Топонимической экспедиции.

Наибольшая представленность обско-угорских, и прежде всего мансийских, заимствований в русских говорах Северного Урала связана с длительным совместным проживанием и тесным языковым и этнокультурным взаимодействием на этой территории русского населения и манси. Постепенно носители южных, восточных и западных диалектов мансийского языка утратили родной язык и русифицировались.

В сохранившихся до наших дней полевых тетрадах и блокнотах А. К. Матвеева содержатся зафиксированные более 60 лет назад ценные сведения по русской диалектологии, русско-финно-угорскому языковому взаимодействию и по лексике диалекта пелымских манси, из которого в местные русские говоры вошло наибольшее число заимствований. Не все эти сведения опубликованы.

Наряду с заимствованной финно-угорской лексикой, прежде всего интересовавшей исследователя-первопроходца, взявшего за ее выявление в полевых условиях, им постоянно записывались и собственно русские диалектные лексемы, а также обращалось пристальное внимание на диалектные фонетические, словообразовательные, синтаксические, акцентологические явления, которые наблюдались в речи его информантов. Изучая эти записи, можно получить всестороннее представление о диалектных особенностях русских говоров Северного Урала середины XX в.

Заимствованная диалектная лексика из работы А. К. Матвеева включена в [СРГСУ], в первом томе — даже с этимологическими справками. Однако как в самой работе, так и в словаре почти не приводятся записанные А. К. Матвеевым контексты на употребление этих заимствований в речи. Диалектная лексика по Гаринскому району

в словаре есть — экспедиции в этот район проводились в 1960-е гг. Но при сопоставлении с полевыми записями А. К. Матвеева даже самый беглый просмотр показал, что некоторые слова в [СРГСУ] отсутствуют или не хватает соответствующей географии. Например, нет слов:

берлог ‘берлога’: «Идёшь на берлог» (д. Пелым, 1955; с. Гари, 1957);
омурина ‘яма в болотах и речушках’: «В таку омурину провалился» (с. Гари, 1957);
прожиточно ‘зажиточно’: «Прожиточно жили» (д. Чонга, 1956);
слых ‘слух’: «Слых-от есь» (д. Пелым, 1956).

Пелымские записи А. К. Матвеева представлены в шести тетрадях и четырех блокнотах. Территория бассейна р. Пелым представляет особый интерес как район позднего обрусения проживавших здесь манси — этот процесс почти закончился к середине XX в., и, как писал А. К. Матвеев, «только в самых северных населенных пунктах Ивдельского и Гаринского районов можно встретить лишь несколько манси, живущих совместно с русскими, но сохранивших родной язык» [Матвеев, 1959, 10]. При такой ситуации закономерным было проникновение в русские говоры наибольшего количества заимствований из западных диалектов (пелымский, вагильский, средне- и нижнелозьвинский, причем основную массу составили заимствования из пелымского диалекта [Там же, 92–93]).

Информанты, с которыми работал А. К. Матвеев (все они записаны им в специальном блокноте по алфавиту), были русские старожилы, а также обрусевшие манси и ханты, в том числе шесть пелымских информантов мансийского происхождения. От некоторых из них был записан ряд слов пелымского диалекта. Эти записи составляют особую ценность, так как в доступных в 1950-е гг. словарях мансийского языка сведений о пелымском диалекте было недостаточно. Мансийский словарь Б. Мункачи и Б. Кальмана был опубликован только в 1989 г. [МуК], а словарь Каннисто — в 2013 г. [КаЕМ]¹.

¹ А. К. Матвеев использовал в своей работе небольшие по объему мансийские словари А. Алквиста (1891), М. Силаши (1895), В. Н. Чернецова (1936), мансийскую лексику из работы по вокализму мансийского языка А. Каннисто (1919) и из его рукописного наследства, а также из работы Б. Кальмана о русских заимствованиях из обь-угорских языков (1951) и из этимологического словаря уральских языков Б. Коллиндера (1955) [см.: Матвеев, 1959, 121–122]. Соответствия из этих источников в статье не приводятся.

Девять пелымских лексем, записанных А. К. Матвеевым у пелымских манси, приведены в тексте работы [Матвеев, 1959]. Перечислим их, сгруппировав по семантике, и сравним пелымские данные А. К. Матвеева с материалами конца XIX в. в [MuK] и начала XX в. в [KaEM].

Географические термины

агра ‘омут, яма, глубокое место’ — пел. *аур²* ‘водоворот’ [Матвеев, 1959, 48] // пел. *а’ар* [MuK, 21];

оет (*воет*, *воят*) ‘заливной поемный луг’ — пел. *ojjat* [Матвеев, 1959, 55] // пел. *ait* (также сев. *ajit* и др.) ‘луг, пойменное озеро, болото’ [MuK, 376]; пел. *ajiet* ‘луг, пастбище, пойменный луг на берегах рек’ [KaEM, 21];

шош (реже *сош*) ‘лесной ручеек’ — пел. *sou* [Матвеев, 1959, 79] // пел. *šoš ~ šōš* ‘ручей’ (также сев. *sōš*, ср.-лозьв. *šoš*, конд. *sōš*, тавд. *šāš*) [MuK, 564]; пел. *šōš* ‘ручей, ручеек, речка’ [KaEM, 795].

Терминология лесного промысла

порусангуль ‘сломанное кедровое (сосновое) дерево с выгнившей серединой, сухое и поэтому хорошо горящее’ — пел. *parosaŋkl*. Вторая часть увязывается с манс. лит. *ангвал*, сев. *aanŋwəl*, пел. *aŋkəl’* (Каннисто), *aŋguel*, *aŋkuel* (Алквист) ‘столб, ствол, пень’ [Матвеев, 1959, 69] // пел. *aŋgwél’ ~ aŋgwél ~ aŋkwél* [MuK, 45], *aŋkəl’, aŋkβl’* [KaEM, 80]³. Для первой части лексемы (? *paros-*) надежного соответствия не выявлено. В плане семантики возможно сравнение с манс. пел. *pārš*, сев. *porēs ~ pors* [pors], ср.-лозьв. *pārš ~ pārēš*, н.-лозьв. *porš ~ pārš ~ parš*, тавд. *po-rēš* ‘навоз, отходы, пыль’ [MuK, 457]; также пел., ваг. *pərš*, н.-лозьв., ср.-лозьв. *parš*, в.-лозьв., сосьв. *pōrs* и др. ‘сор’ [KaEM, 80] — такое определение может быть косвенной характеристикой качества дерева. Однако в фонетическом отношении в данном случае более близкой является не пелымская, а северномансийская форма.

² По техническим причинам А. К. Матвеевым были приняты условные обозначения некоторых специфических гласных и согласных мансийского языка: долгота гласных обозначается удвоением гласного; ь — глубокое *i* (близкое к русскому *ы*), которое чаще встречается в положении перед и после *ʷ*, а также перед *ŋ*; *u* — переднеязычный глухой спирант, похожий на русское *ш*; *u’* — переднеязычный глухой палатализованный спирант [Матвеев, 1959, 116].

³ Сведения по другим диалектам в статье приводятся только в случае необходимости.

Лексика охоты и рыболовства

кулун ‘ставная сеть самоловка’ — пел. *khulp* [Матвеев, 1959, 63] // пел. *khulêp* ~ *khulp* ‘рыболовная сеть’ [МуК, 119]; также пел. *kùlp* ‘сеть’ [КаЕМ, 80];

тормовать ‘охотиться с лодки на лосей или медведей, спускаясь вниз по реке’ — пел. *tormulaχ*, *tormiteχ* ‘тормовать’ [Матвеев, 1959, 74]. В словаре Мункачи пелымская форма отсутствует, но есть сев. *tãrmëti*, н.-лозвь. *tãrmali* в том же значении (‘охотиться с лодки’) [МуК, 661]; в словаре Каннисто отмечено пел. *tãrm^oл-* и другие диалектные формы в значении ‘подкарауливать дичь (летний способ охоты на лосей: подстерегать их на реке с гребной лодки, когда они приходят на берег вечером или ночью)’, тавд. *tarmà-тл-*, *tarmã^o-тл-*, а также н.-конд., в.-лозвь. сосвь. соответствия с той же семантикой: ‘подкарауливать (дичь): вид охоты на лося / «тормовать»’ [КаЕМ, 939].

Названия приспособлений для переноски грузов

пайва ‘кошель, посудина из бересты’, слово широкого распространения — пел. *paip* [Матвеев, 1959, 68] // пел. *pãip* ‘пайва, сосуд из березовой коры’ [МуК, 402], *paip* ‘ранец из березовой коры, ранец, корзина’ [КаЕМ, 566];

пучён, *пучём* ‘неглубокий прямоугольный короб из бересты, чуман на ремнях’ — пел. *put-shen*, букв. «котел-чуман» [Матвеев, 1959, 71]. У Мункачи пел. *put* ‘котел’, *šõn* ‘чуман’ [МуК, 402, 525]; у Каннисто пел. *put* ‘котел’, *šẽn* ‘сосуд из березовой коры’, также отмечена форма *putšẽn* [КаЕМ, 665].

Названия рыбопродуктов

ёхла ‘подсоленная вяленая рыба, т. е. сушеная на солнце или на ветру’ — пел. *joχel* [Матвеев, 1959, 59]. У Мункачи есть только сев. *joχël* и ср.-лозвь. *jãχël* ~ *joχlä* ~ *jãχlä* ‘сушеная рыба’ [МуК, 164]. Каннисто приводит пел. *ḷ̣oχ_ulä*, в.-лозвь. *ḷ̣oχ_χl* ‘сушеная рыба (рыба, разрезанная по спине, около двух недель сушеная на солнце)’ и сосвь. *ḷ̣oχ_χel* (компонент в ряде сложных слов) [КаЕМ, 199]. Формы с *-ä*, *-â* очень похожи на обратное заимствование.

Таким образом, записи А. К. Матвеева не только фиксируют уже известные лексемы пелымского диалекта, но и содержат ранее не отраженные в словарях фиксации: пел. *sou* ‘ручеек’, *parosaŋkl* ‘сухое

дерево с выгнившей серединой’, *joçal* ‘вяленая рыба’. Сопоставление фиксаций А. К. Матвеева с материалами мансийских словарей Мункачи-Кальмана и Каннисто показывает, что при отдельных фонетических расхождениях в целом они совпадают.

Интересна мансийская лексика, зафиксированная А. К. Матвеевым 23 января 1956 г. в д. Шанталь от обрусевшего манси Ивана Никитича Куземкина: 65 мансийских слов, среди из которых один топоним — мансийское название реки Пелым — *polum* ‘большая река, Пелым’. Апеллятивные лексемы обозначают жизненно важные понятия и реалии и показывают степень сохранности основных понятий из родного языка в сознании человека, переходящего на другой язык.

Девять мансийских слов записаны 26 января 1956 г. от Филиппа Михайловича Петрушкина в д. Пелым, в том числе замечательное гибридное *патанку tech* «т. е. *патанку исьти*» (где рус. *патанка* — из манс. *пато́м-кул* ‘мерзлая рыба’ [см.: Матвеев, 1959, 68]).

Очевидно, что А. К. Матвеевым во время его командировки 1956 г. в д. Шанталь и д. Пелым были сделаны последние в истории записи мансийских слов на диалекте пелымских манси. После А. Регули (середина XIX в.), А. Алквиста (вторая половина XX в.), Б. Мункачи (конец XIX в.) и А. Каннисто (начало XX в.) А. К. Матвеева можно считать последним в ряду исследователей мансийского языка, кому довелось слышать и записывать лексику пелымского диалекта.

Детальному рассмотрению этих мансийских лексем, как и выяснению более подробных сведений о манси — информантах А. К. Матвеева, должна быть посвящена отдельная публикация.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Ученые записки Уральского университета. 1959. Вып. 32.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988 ; Дополнения. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996.

КаЕМ — *Wogulisches Wörterbuch / gesammelt und geordnet von A. Kannisto, bearbeitet von V. Eiras, herausgegeben von A. Moisio.* Helsinki : Société Finno-Ougrienne : Kotimaisten Kielten Keskus, 2013.

MuK — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986.